

Игорь Шестков "Моя русская бабушка"

Бабушка Тоня родилась в подмосковной деревне Таганово под Вереей в 1911-м году. Ее первое сознательное воспоминание – революция. Точнее – отсутствие оной. Ничего в их деревне не изменилось, только помещица или по-старому барыня, хозяйка роскошной усадьбы, уехала за границу. Поручила кому-то присматривать за хозяйством. Но в 1918-м году деревенские мужики усадьбу все-таки разграбили и сожгли. У соседа, дяди Семена долго еще в конюшне стоял белый рояль без клавиш – из него кормили овсом лошадей (дядя Семен был позже, во время недолгой немецкой оккупации деревни, старостой – за что его расстреляли свои, как только немцев прогнали).

Потом в деревню приехали латышские стрелки. Оказалось – деревня должна была поставлять в город хлеб, но не поставила. Латышские стрелки несколько человек застрелили, выпороли каждого десятого мужика, а старенького попа вытащили прямо во время службы из деревенской церкви и, вдоволь над ним поиздевавшись, на глазах у всех, зарубили шашкой. Мужики смеялись, бабы плакали. После отъезда стрелков деревенские сами, без приказов или науськиваний со стороны властей, сожгли церковь, в которой были крещены, в которой крестили своих детей. Иконы разворовали или сожгли. Русский мужик всегда на стороне сильного.

В 1928-м году Антонину выдали замуж. За рыжего Кольку, моего деда. Он был по матери турок, по отцу русский. Мать его была дочерью пленного турка и турчанки, приехавшей к нему с родины. В 1931-м году арестовали отца бабушки, Николая Михайловича, бывшего столыпинского хуторянина. Весной, летом и осенью Николай Михайлович работал на хуторе, а зимой ездил не заработки в город – рисовал куклам глазки, носики и губки. Арестовали его за то, что кулак. За то, что был работающий и непьющий, имел двух лошадей, четыре коровы, мог прожить без колхоза. Позже он рассказывал, что их, подмосковных кулаков, держали в тюрьме по сто человек в маленькой камере, не давали пить, спать, не разрешали ходить по нужде, били. Ему дали сравнительно короткий срок – пять лет. После выхода из заключения он был повторно арестован и домой уже не вернулся. Был расстрелян в 1937-м году во время великого террора. Через год

после этого умерла от горя его жена, мать бабушки, Ольга.

Арестовали и отца деда Коли – Алешу, он был простоват, из бедноты. Бабушка говорила – «пил и гулял». Его против воли выбрали в председатели колхоза, а потом «посадили в подвал» за недостачу. Там он и умер. Он клялся и божился, что денег колхозных не пропивал – ему не поверили. 75-летнего Николая Никонovichа, отца Алеши (моего прапрадеда), расстреляли «за сына» в том же 1937-м году. Расправа была тогда коротка.

Все мои предки по русской линии были простыми крестьянами. Почти все они были убиты лицемерной и жестокой властью, поставившей себе якобы целью, освободить труженика от цепей капитала.

Бабушка Тоня и дед Коля переехали в Москву. Бабушка пошла на фабрику работать – швеей. Дед устроился где-то на радио. Дали им маленькую комнатку в огромной коммунальной квартире в районе Новых Домов на шоссе Энтузиастов. В 1932-ом году родилась моя мама, пятью годами позже мой дядя Слава. Через год после рождения второго ребенка дед ушел из семьи.

Бабушка осталась одна с двумя детьми. Мама обвиняла позже бабушку в этом конфликте, говорила, что у нее очень твердый и жестокий характер. Я это не могу подтвердить – со мной бабушка Тоня всегда была ласкова.

Деда Колю посадили в том же 1937-м по 58-й статье. Из лагеря он вышел только через семнадцать лет. Умер он в семидесятых годах, в больнице. По маминым словам – от страха перед предстоящей операцией. Я деда никогда не видел, только замечал в себе некоторые черты характера, которые унаследовал от него (панический страх перед больницей, перед неумолимыми врачами, злодеями и невеждами, перед запахами, лампами и инструментами операционной).

Началась война. У бабушки открылся туберкулез.

В страшный для москвичей ноябрь 1941-о года, в панику, бабушка попыталась уехать из Москвы на беженском эшелоне. Несмотря на огромные кресты на вагонах, немцы эшелон разбомбили. В суете и ужасе бомбежки бабушка потеряла маленького Славика. Искала его позже по детдомам. Нашла только в самом конце войны. Он был худой как скелет и не говорил. Из разбомбленного поезда бабушка вернулась с дочерью в Москву.

Работала она в это время в цеху, производящем варежки с отделением для

указательного пальца – чтобы можно было стрелять. Туберкулез развивался быстро. Бабушка вынуждена была лечь в больницу. Когда из нее вышла, то узнала, что они с дочерью стали бездомными. Как неработоспособную, ее уволили с фабрики, в их комнату вселили других людей. Моя мать жила у сердобольных соседей. Бабушка не отчаялась, а добилась приема у главного прокурора СССР. Он пожалел плачущую больную женщину. Комнату бабушке вернули. На работе восстановили.

Чтобы купить стрептомицин для лечения туберкулеза, продали все, что было мало мальски ценного в семье. Туберкулез отступил. Тогда же в войну бабушка начала курить. Папиросы Север.

После войны, как впрочем и всю последующую жизнь, главной заботой бабушки был сын Славик. Он плохо учился, дрался, выпивал.

У бабушки был сожитель, шофер – Иван Кузьмич. Это был маленький, по словам мамы, в трезвом виде добрейший человек и настоящий зверь когда был пьян. Садист. Бабушку Тоню и Славика он избивал. Когда мама была мной беременна он разозлился на что-то и бросил в нее чайник с кипящей водой. Маме обварило руку. Кузьмич хотел попасть в лицо. Еще раньше, во время войны повел двенадцатилетнюю Тамару на передвижную выставку фашистских зверств. Мама долго не могла после этого спать. И когда я говорю ей, чтобы ее утешить – не беспокойся, современные немцы это уже не те люди, что были во время войны, она отвечает: «Не верю. Я видела, что они с нами делали. Это вообще не люди».

Почему бабушка терпела Ивана Кузьмича? Мама говорила – загадка русской души. Хотя сама отлично знала правильный ответ – русская женщина жалеет мужчину. И терпит, терпит, терпит. В этой жалости есть и изрядная доля любви, прямой, телесной.

Жили мы на восточной окраине Ялты, недалеко от Массандровского парка. Ходили в центр города на базар. Там были рыбные ряды. Бабушка покупала рыбу всегда у одного и того же продавца – маленького, пропахшего рыбой горбуна. Она его жалела. Увидев бабушку, горбун светлел и хорошел, даже становился выше. Говорил с бабушкой очень вежливо и спокойно. Я бы даже сказал – галантно, если так можно характеризовать говор на суржике, смеси

неграмотного русского с испорченным украинским. Если рыбника не было на базаре, мы рыбу вообще не покупали. Рыбу он продавал всегда какую-то плохую, вонючую, маленькую и невкусную. Чем-то напоминающую его самого. Каково же было мое удивление, когда однажды во время обязательного для меня послеобеденного сна, я проснулся не вовремя и застучал полуголую бабушку на ее кровати с рыбником. Мне было семь или восемь лет и я, конечно, ничего не понял. Понял только, что жизнь даже самых обыкновенных людей – загадка, тайна.

После того, как мама ушла в новую семью, в комнате коммунальной квартиры остались взрослеющий Славик и бабушка Тоня. Из этой семиметровой комнаты его призвали в армию. Он пошел на флот. Тогда служба во флоте продолжалась пять лет. Служил Славик на атомной подводной лодке. Вернулся из армии лысый. На гражданке начал пить и повторять подвиги Кузьмича, которого в ту пору уже не было в комнате – не знаю, или бабушка нашла силы с ним расстаться или он сам ушел «к другой бабе».

Баша женился и привел все в ту же комнату жену Галину, худенькую провинциальную девушку с гнилыми зубами. Новой семье (вместе с бабушкой) было позволено, освободив семиметровую, занять освободившуюся за смертью соседки «большую» комнату в восемнадцать квадратных метров в той же коммуналке. В этой же комнате жили потом и два сына Славы и Галины – Сашка и Сережка.

Брак был некрепкий и быстро развалился. Славик бешено ревновал Галину. Звал ее в лицо «смерть» (смерть, пойдись сюда). Пил вместе с ней и бил ее. Бил детей и бабушку. Бабушка его жалела, все ему прощала, на Галину злилась, а внуков жалела вдвойне, все им жертвовала, что только могла, заботилась о них. Галина, не выдержав семейного ада, убежала из дома. Славик искал ее долго. Но не нашел. Была она крайне легкомысленна. Все время покупала и грызла шоколад. Если были деньги, конечно. Следы Галины теряются на Кавказе, где она хотела подработать как проститутка. Там ее, по-видимому, и убили.

Дядя Слава женился еще шесть или семь раз. Пил с женами и бил их. Они его жалели. Иногда, только до поры до времени. А потом все-таки вызывали милицию. Последнюю жену он звал «лошадиная морда» и бил не только ее, но и

ее слабоумную дочь от первого брака, страдающую синдромом Дауна.

Помнится, после свадьбы 58-летний жених, крепившийся и не выпивший до сих пор ни капли спиртного, выпил с 65-летней невестой две бутылки водки, приревновал ее к какому-то гостю, изорвал в клочки их паспорта и свидетельство о браке, выбросил их на улицу из окна десятого этажа и набросился на жену, крича так громко, что соседи милицию вызвали: «Сейчас я убью тебя и твою идиотку!» «Лошадиная морда» была еще очень крепкая женщина. Кулачное побоище после свадьбы не окончилось для Славика благополучно. Милицию в дом не пустили.

«У нас все в порядке!» – сказала «лошадиная морда» через дверь милиционеру. Жизнь бабушки в первой семье сына была трудной и унижительной.

Единственное ее желание было – получить отдельную квартиру. На пятьдесят пятом году жизни она впервые въехала в свой дом – в однокомнатную кооперативную квартиру в новом блочном доме на улице Волгина. Достать квартиру помог мой влиятельный дед. Огромная лоджия квартиры смотрела на лес перед университетом Патриса Лумумбы.

В этой квартире бабушка Тоня прожила тридцать два относительно счастливых года. В ней же она была убита. Обстоятельства ее смерти до конца не выяснены. Роковую роль сыграли деньги, которые ей присылал мой отчим Ш.. Бабушка не тратила деньги «на фрукты и здоровье» как было задумано, а копила, чтобы потом отдать внукам или сыну. Она по-прежнему жалела уже давно ставших взрослыми дядями Сашку и Сережку и все прощала пьющему, непутевому и агрессивному 61-летнему сыну.

Не знаю, как и почему, но Славик решил, что бабушка отдала кому-то накопленные деньги. Поехал к ней разбираться. Привез с собой или получил от бабушки бутылку водки. Выпил и впал в ярость. Что было дальше – неизвестно. Соседка бабушки услышала вечером того дня, что кто-то ходит по лестничной клетке и повторяет: «Я убил свою мать... Я убил свою мать...» Вышла, увидела Славу. Спустилась на третий этаж. Дверь в бабушкину квартиру была открыта. Соседка вошла – и увидела мертвую бабушку, лежащую в луже крови. Лицо мертвой выглядело так, как будто кто-то долго топтал его ногами. Соседка тут же поднялась к себе и вызвала милицию. А Славик все ходил по коридорам и

повторял: «Я убил свою мать!» Милиция приехала и тут же его арестовала. Все было ясно.

«Лошадиная морда» подкупила следствие – дала следователю тысячу долларов. Славика не осудили, а посадили в дурдом, из которого он благополучно вышел через три года.

Так закончилась жизнь моей бабули. Ее убил собственный сын из-за денег, которые она для него же и копила. Затаптал ногами лежащую в собственной крови 87-летнюю мать.

Бабушка говорила часто: «Да простит нам всем Царица небесная!»